

18+

Наталья Барабошкина

Сын рыбы

Наталья Барабошкина

Сын рыбы

«Издательские решения»

БарaboшкИна Н.

Сын рыбы / Н. БарaboшкИна — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964843-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Антонио в депрессии отсиживается дома, пока на пороге не появляется странный парень, который пишет об убийствах. Антонио совершает в поисках преступника путешествие, которое даёт ответ на вопрос, что с ним не так.

ISBN 978-5-44-964843-3

© БарaboшкИна Н.
© Издательские решения

Содержание

– тетрадь —	6
– Антонио —	9
– Ден, как он есть-	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сын рыбы

Наталья Барабошкина

© Наталья Барабошкина, 2019

ISBN 978-5-4496-4843-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– тетрадь –

Листы тетрадки были смяты и затасканы. Коричневого цвета края кое-где разорвались. Антонио посмотрел на эту обычную, то ли зеленую, то ли голубую в прошлом тетрадь в клетку, перевернув, с одной и другой стороны. Он читал на бревне, во дворе своего дома. По всему двору, обсаженному туями и другими не цветущими кустарниками, шли плиточные дорожки, по которым бегал черный лабрадор. Он хотел поиграть и радовался новым знакомым, но они стояли неподвижно, будто на участке поставили новые фонарные столбы и еще не ясно, как теперь их обходить. У ворот стоял охранник в черном костюме. Он поглядывал, как Антонио что-то читает, будто это повестка или анонимка с угрозой. Сначала в ворота долго звонили, затем стали стучать. Дома был только Антонио. Виктор заступил в восемь утра и уже проводил всех по делам, открывая и закрывая ворота. Вошли двое парней. Высокий, в натянутом капюшоне с длинной цепью и широких штанах, шел позади и бегло осматривал участок. Второй, чуть пониже, в огромной майке, как платье, поверх узких джинсов, и куртки сверху шел прямо навстречу Антонио. Он вынул из рюкзака голубую тетрадь.

Родители Антонио и сестры разъехались по делам. В офис, на курсы, в школу. Антонио спал до обеда. «Он устал», – месяц назад Тереза ответила Виктору на вопрос, почему Антонио больше не ходит в институт. Тереза погладила охранника по плечу, сощурила уставшие глаза, и, еле сдерживая слезы, пошла завтракать в дом. С тех пор Антонио, как звала Тереза сына, был все время дома. «В поиске», – коротко объяснился он с Виктором, проходя мимо него и чувствуя отсележивающий взгляд. Вечером они разговаривали с отцом, по-мужски сидя с графином коньяка на террасе, затем курили, переходили в беседку, сидели у бассейна, свесив ноги в холодную воду, и ни разу не повысили голос. Виктор немного злился, что не смог подслушать ни слова, но был рад, что Антонио не прячется за объяснениями матери, а говорит за себя сам. Антонио вел себя странно, искал занятие. Спал до обеда, слонялся по улице, пробовал бросать курить, ездил в воскресенье с Терезой в костел. Так было два воскресенья подряд. Он надевал черный костюм, белую рубашку и золотые часы. С матерью под руку они манерно шли к машине. Обрато он отпускал шофера, давал ему выходной, вел сам. Из всех наблюдений Виктор сделал вывод, что Антонио не принимает наркотики, не запил, а просто решает проблемы, возможно со здоровьем или законом.

– Хорошо, я куплю эту тетрадку. Сколько ты за нее хочешь? – спросил Антонио, закончив чтение, и загадочно улыбнулся.

Виктор напрягся, эта улыбка показалась ему не доброй, но Антонио дал легкий знак рукой, что все в порядке. Он встал в полный рост, проводил незнакомцев к бассейну и взял в руки сачок. Медленно и бесцельно он водил им по воде, подхватывая первые упавшие листья, и слушал, как парни рассказывают, зачем шли сюда несколько километров от автобусной остановки.

– Как обычно, цена одна и та же. Пятьдесят за тетрадку, – сказал Максим.

– Эта тоже?

– Да, она самая первая, но цена та же.

Антонио пошел в дом, откуда вынес кошелек и отсчитал деньги.

– Слушай, а зачем ты продаешь, давал бы почитать или выложил в интернет. Зачем пишешь в тетради? Это анахронизм, – сказал Антонио и протянул деньги.

– Спасибо, ты делаешь вклад в смертельное искусство, – сказал Максим. – Тетрадь – это моя форма, двенадцать страничек в клетку. Так я чувствую ритм и знаю, когда нужно закончить. Длинные истории сейчас не читают. Это искусство, потому что основа стоит три цента, а то, что внутри – гораздо больше. Поэтому я выбираю такую простую форму.

– Можно еще вопрос, – вставил Антонио, – не хотите мне помочь почистить бассейн? Нужно просто подержать сетку с той стороны. Мне некому помочь сейчас, – Антонио ждал их согласия.

– Да, нам не трудно, – сказал второй и снял капюшон, выпустив во все стороны дреды. – Все меня зовут Лохматый, – предупредил он.

– Ясно, я понял. Берите за этот край. Так вот, зачем ты продаешь тетрадки? Они же будут давать читать другим. Нет? – Антонио натянул на себя тонущую сеть с металлическими шайбами.

– Нет, скорее их перепродают. Первая тетрадка вернулась ко мне через три года, и она неплохо потерта, как видно. Так что... – он пожал плечами.

– Зачем продаешь ее снова?

– Избавляюсь от нее, хочу написать что-то новое, – сказал Максим, махнул рукой и отпустил край сетки, который тут же ушел под воду и опустился на дно. – Ой, я не хотел, я задумался.

– Ладно, неважно, – Антонио бросил свой конец сети и сел на край бассейна. – Тебя зовут Максим? Почему ты подписываешься «Сын Рыбы»?

– Просто так, – сказал Максим и пожал плечами. Он заглянул вглубь бассейна. Сеть лежала на дне, очертив неровные клетки. Максим заметил, что это похоже на что-то знакомое, что он видел буквально только что, но отогнал от себя эту навязчивую мысль. – Так ты можешь помочь нам?

– Вы ищите того, кто может рассказать об убийстве? Кто видел что-то или слышал?

– Нет, нам нужен тот, кто сам убил человека, – сказал Максим. – Мне нужен достоверный рассказ, новый сюжет.

Антонио перекинулся взглядом с охранником, который все еще следил за ними с улицы и не уходил в сторожку, и рассмеялся. Виктор дернулся. Он уже давно не слышал, как смеется Антонио.

– Ну, хорошо, а откуда ты брал истории раньше? Тут очень натурально, – он подозвал их ближе. Максим и его друг подошли к бассейну и тоже сели на высокий бортик. – Вот, например, – Антонио раскрыл тетрадь. – Вот, «хлопок от перерезанных сухожилий». Или вот еще, «кровь плевала из обрубка, а ей еще казалось, что можно все исправить».

– Я все выдумываю, это фикция, – признался Максим, – я исписался, мне кажется, это уже не цепляет. Раньше я писал так, чтобы в тетрадке было минимум пятьдесят трупов. Отсюда и цена. Я написал первую тетрадь, которая теперь твоя, поставил точку, принес в школу и показал своему другу, он рассказал другим и после второго урока у меня уже рвали тетрадь и хотели ее отнять. Я продал ее самому борзому старшекласснику. Тогда они попросили меня написать еще. И с тех пор продаю это искусство. Правда в последнее время, мне разонравилось. Я долго шел на взлет, убийств стало меньше, но выписывал их я более качественно. Это отличное развлечение, прочитать такое. Снять стресс.

– Да, я слышал, – кивнул Антонио.

– Я и правда так считал, но сейчас у меня кризис. Я хочу написать о чем-то реальном. Хочу услышать, как это, убить человека. Это трудно или нет, и что происходит с телом, какие чувства испытываешь, – Максим махал руками, помогая себе говорить.

– Я понял, Сын рыбы, я знаю такого человека.

Антонио бросил сачок и повел их в дом. В холле были большие зеркала, картины в рамках и свежие розы в керамических высоких вазах. Пахло чем-то знакомым, похожим запахом листьев смородины или ванили. Антонио забежал по лестнице наверх. Максим прислушался к его шагам, гадая на каком этаже его комната, на третьем или на втором.

– Ты сказал, что мы ненадолго, – не поворачивая головы, спросил Лохматый. – Время идет, ты мне заплатил за час, а сейчас уже будет два.

Максим посмотрел на приятеля и протянул ему десятку из тех, что только что дал ему Антонио. Тот нерешительно взял и положил во внутренний карман куртки.

– Сам понимаешь, я же не знал, куда мы шли, – промямлил Лохматый. – Здесь вроде спокойно, но черт, ты продаешь тетрадки? – он тихо рассмеялся. – Это круто, честно, отличный бизнес. Ноль вложений. Честное слово, я больше слова не скажу, – он показал жестом закрывающуюся молнию на губах. – Но, это просто шикарный бизнес.

Максим оценивающе посмотрел на своего лохматого охранника.

– Слушай, у тебя точно черный пояс?

– Да я же тебе показывал, что ты снова сомневаешься. Я просто отмороженный, когда надо, и у меня старший брат сидит. Не волнуйся, – сказал Лохматый.

– Но ты не убивал никого?

– Нет. Я уже говорил. И не хочу, и мне не у кого спросить, – Лохматый развел руками, – я уже говорил.

— АНТОНИО —

Антонио переоделся во все черное и спустился вниз, бегло отстукивая ступеньки лестницы. В его руках были ключи от машины. Все трое вышли из дома, дверь автоматически закрылась, напрасно Максим придерживал ее от хлопка. Антонио развернулся к ним на ходу.

– Сейчас поедем в одно место, но для начала хочу поговорить с нашим охранником. Он был на войне. Правда, он скрытный. Знаете, посидите тут. Я позову, если он захочет говорить, – Антонио надел солнечные очки и, не дожидаясь ответа, направился к воротам.

Виктор насторожился, рассматривая идущего к нему Антонио. Мелькнуло воспоминание о том, как он маленьким бегал по этим дорожкам, и мать учила его плавать. Тереза выходила к бассейну в открытом купальнике, брала его под руки, он махал ногами и пищал от радости. Брызги летели повсюду. Затем она опускала его глубже, болтать ногами становилось трудно, брызг не было, Антонио злился. Тереза погружала сына под воду, он плыл, размахивая руками, а когда она поднимала его высоко, тер глаза и широко открывал рот для вдоха. Виктор сначала подумал, что Тереза топит ребенка в бассейне, он сорвался с места у ворот дома, опрокинув горшки с саженцами для сада, а Тереза кричала:

– Нет, Виктор, так надо, так учат на плавании, – она смеялась, приподнимая Антонио, но Виктор не мог успокоиться и все протягивал им свою руку.

Ничего не было лучше хорошей погоды, конфет и домашнего праздника. Конечно, так не могло оставаться вечно. Антонио вырос, испортился. Самое печальное, что так думал про себя и сам мальчик. Ему все еще хотелось быть забавным и радовать всех просто тем, что он проходит мимо или что-то сказал. Однако, ожидания возросли, а что именно от него ждали он никак не мог добиться. Поэтому он решил переиграть и начать заново. Антонио хотел быть нужным, необходимым. Отец, на новость о том, что он решил сделать перерыв в учебе и отказался уехать путешествовать, чтобы «проветрить мозги», сказал «хорошо, мы желаем тебе добра». И что это значит? Тереза всеми силами пыталась помочь и настроиться на состояние сына. Она одновременно предлагала ему проводить больше времени вместе, и наоборот, отстать и дать больше свободы. Однажды, сказала, что если он хочет покурить травки, то она не против составить ему компанию. Также было предложено приводить в дом друзей, построить отдельный вход в дом, веранду для вечеринок или вообще съехать на отдельную квартиру.

Все эти уступки просто убивали Антонио. Это означало только, что с ним все совсем плохо, и срочно нужно действовать, чтобы исправить ситуацию. Исправить его. Антонио сделал пять татуировок. Это были отдельные буквы, разбросанные по всему телу. Как сказала младшая сестра Елена – алфавит. Он показывал ей такие вещи, потому что она училась в школе и эмоционально была на одной волне с отстающим Антонио. Елена никогда не осуждала брата, и сама рассказывала ему свои подростковые драмы.

После прочтения Божественной комедии, Антонио сказал всем, что будет читать еще восемнадцать раз. Эта внезапная усидчивость вдохновила его начать сочинять музыку. Каждый день Антонио смотрел видео уроки по курсу элементарной теории, но это оказалось так трудно и скучно, что он передумал и злился, что поспешил всем рассказать об этом. «В поиске» ничего не получалось.

Антонио обнаружил, что совсем не боится боли. Он вычитал что, когда женщина кормит грудью, новорожденный причиняет ей боль, правда к которой со временем привыкаешь. Это очень впечатлило Антонио. Несколько дней он не мог избавиться от фантазий на тему ощущения добровольной боли. Он обложился анатомическими книгами и изучал процесс рождения. За завтраком, когда Тереза уже разливала чай и слишком низко к нему наклонилась, он отодвинулся от нее, выбежал из столовой в свою комнату и закрылся в ванной, где его вытошнило только что съеденным завтраком.

Еще через два дня к Элене приходила подруга со школы. Они заставляли его рисовать карты по географии, а сами красили ногти. Антонио неохотно сидел с ними, раскачиваясь в кресле, и искал повод уйти, пока не заметил во рту одноклассницы пирсинг. Она высунула язык и показала титановую булавку. «Он смотрит мне в рот, твой брат – это что значит?» – спросила подруга, когда Антонио вышел. Он запрыгнул в машину и поехал через весь город в салон, где недавно ему сделали татуировки.

Был вечер, салон закрывали, растягивая на окнах роллеты, и никого уже не ждали. Это оказалось больно, особенно во второй раз, когда уже накручиваешь себя, и всю болят первый прокол. Девушка с искусственными ямочками из-за пирсинга в щеках привычным движением распаковала длинную иглу. Он старался думать о ней, пускал в голову разные мысли. Только вот это она входила в него, а не он в нее. Антонио вспоминал нарисованных женщин из анатомической книги. Они встали перед глазами, он изо всех сил гнал эти картинки, и сознательно думать о них не хотел. Девушка с ямочками надела на лицо тканевую маску, взяла пальцами в тонких перчатках кусок кожи в складку вокруг соска. Антонио зажмурился, сделал вдох и почувствовал, как кожа сильно натянулась и с отвратительным звуком, будто просаживают иглу через толстую ткань, порвалась с другой стороны. «Как же все-таки это больно», – подумал Антонио и в глазах его потемнело. Он ехал обратно, расстегнув стягивающую рубашку и стараясь не шевелиться. Даже ехать за рулем было больно. Однако, он не жалел, будто примирел и стал тихим, скромным и застенчивым за один последний час.

Иногда утром он радовался любым стабильным эмоциям. Например, он нежно любил очки из последней коллекции tom ford. Он увидел их в магазине и купил к ним самую обыкновенную черную майку в секонд-хенд через дорогу. Дома он достал золотые часы, разрезал на коленях черные джинсы и рассмотрел себя в зеркало со всех сторон. Затем пошел в ванную, взял ножницы, подрезал воротник майки так, чтобы он был потрепан и изношен. Будто это его любимые вещи. Антонио подрезал волосы, чтобы они падали на глаза. Старыми вещами ярких цветов из прошлой жизни он набил пакеты для строительного мусора. В то утро он прошел в последний раз к машине с Терезой под руку. Она не удивлялась причудам сына, во всем принимала его.

– Надо зашить вот здесь, – сказала она, поглаживая Антонио по колену, когда они ехали уже со службы домой.

– Нет, мам...

– Я знаю, я пошутила, – улыбнулась она.

В окне промелькнули однокурсники Антонио из прошлой жизни, которые были с ним в одном гольф клубе.

– Ты не пойдешь? – спросила Тереза. – Ну, как хочешь, клубная карта на целый год, – она улыбнулась.

Антонио тут же полез в карман разорванных джинсов и достал карту из кошелька.

– Нет, ну пожалуйста, не надо, – просила Тереза, не давая ему открыть форточку.

Через неделю, карту вернули с длинным письмом о счастливом случае и радостной находке. Тереза положила это письмо на стол у кровати сына. Антонио прочитал внимательно, выражение его лица было сходным с тем, когда он читал тетрадь, в которой ловко и жестоко описываются убийства.

– Мама, меня это убивает, – сказал Антонио. – Меня это убивает, мама.

Тереза смотрела, как он плачет, хотя недавно еще так мирно спал, радовался тому, что поступил на международное право, что родилась Элена, что выпал первый зуб, что он научился плавать и даже нырять под воду.

– Антонио, что с тобой, Антонио...

Антонио с загадочной улыбкой подошел к Виктору. Он знал, что Виктор из многодетной семьи, поэтому спрашивал обычно «как семья», имея в виду всех сразу, и не вдавался

в подробности. Виктор так и не женился. Отец Антонио называл его «старым волком». Антонио решил зайти издалека.

– Мы тут с однокурсниками пишем доклад про Афганистан, – начал Антонио, – вот, там обстановочка, сам понимаешь, требует изучения. Вот, и мы не помню, как дошли до этого, в общем, было бы круто вписать пару частных историй. Что скажешь? Это я предложил. Может, ты расскажешь? Я знаю, ты крутой парень, не любишь трепаться о таком. Это война, но мы же должны изучать опыт предыдущих поколений, чтобы не совершать ошибки, – закончил Антонио.

Виктор посмотрел, как он крутит в руках ключи от машины, затем на двух парней на лужайке. Один, длинный, снова натянул капюшон на голову, будто он мерз, из-под которого торчали провода из волос. Второй, в длинной майке и прической, будто на дворе шестидесятые. Хороший мальчик, подумал Виктор. Явно не из этой компании.

– А сейчас вы как раз собираетесь в библиотеку? – хладнокровно спросил Виктор.

Антонио вздохнул. Он засунул руки в карманы, ему сразу захотелось уйти и прилечь в своей комнате, оставить всех, только бы ничего не объяснять.

– Что тебе нужно, Антонио?

– Вик, – Антон подошел ближе, загоразивая своих новых приятелей.

– Я просил так не называть меня, – Виктор строго посмотрел на Антонио, но уткнулся лишь в свое отражение в его очках, и отвел глаза.

– Ну, я помню. Вик, мне очень нужно кое-что спросить у тебя, только честно. Можешь сказать хотя бы «нет» или «да», хорошо? – заискивал Антонио.

Виктор кивнул.

– Ты убивал на войне?

Виктор повернул голову на бок и стал рассматривать Антонио под углом, как-то с другой стороны и его приятелей, и вообще мысли побежали самые разные. От долга и чувства вины, до того, как не стать свидетелем какой-нибудь трагедии в этой семье. Виктор даже подумал, как будет искать другую работу. Вспомнил номер телефона своего армейского друга, который устроился в исправительное учреждение и жаловался на депрессию от того, что видел там, хотя и гордился, что участвует в перевоспитании, стараясь не быть грубым с осужденными, благо режим в колонии был общий и сидели воры, наркоманы и мошенники.

– Виктор, это нужно для моего друга, он писатель, – Антон показал пальцем в сторону приятелей.

Виктор стал гадать, кто из них мог быть писателем, снова вспоминая рассказы сослуживца о колонии, где сидели, в том числе, совсем молодые парни, поломавшие себе жизнь по глупости или ради момента.

– Я не убивал, – наконец ответил Виктор, – слава богу, – добавил он.

– А-а, но ты видел убийства?

– Видел, конечно, но не убивал. Я был водителем, отсиделся в машине, как про меня говорят, – вздохнул Виктор. – Могу рассказать вам страшилок, если это так нужно для учебы.

– Нет, спасибо, нам нужен тот, кто убивал, – расстроился Антонио.

– Зачем вам это?

– Написать об этом, – ответил Антонио и стал уходить.

– Антонио, – крикнул вслед Виктор, – а зачем?

Антонио развернулся, пожал плечами и пошел по дорожке обратно. Виктор вспомнил, что у его остались таблетки от сильного стресса, которые он принимал, когда возвращался к мирной жизни. «Может приму», – думал Виктор, открывая ворота для машины. Парень из семидесятых посмотрел на него через стекло и помахал рукой. Виктор по привычке проговорил про себя описание. Кто в чем был одет, особые приметы, номер машины и посмотрел на часы. Закрылись ворота. Цветок, из разросшейся клумбы, забился между завесами, сло-

мался и повис, бутонами вниз. Виктор нервно отщипывал мелкие розовые лепестки, обсыпая ими ботинки, и смотрел, как уезжает машина, а вдалеке собирается дождь.

– Ден, как он есть –

– Куда мы едем? – спросил Максим.

– К одному приятелю, правда не знаю, захочет ли он говорить, – Антонио выехал из поселка и остановился на светофоре. – Все говорят, что он убил одну телку в горах, но свидетелей не было. Официально, она пропала без вести. Может, получится вытащить его из дома. Спрячьтесь в машине, а я постараюсь его разговорить.

Максим просунулся между сиденьями.

– Нет, подожди, так не пойдет. Я же сказал, что я хочу сам видеть, как он рассказывает, мне мало слышать. Я понимаю, что это странно, но как я пойму его эмоции?

Они проехали две заправки, выезд из города и поднялись на кольцевую дорогу.

– Это же гетто, не надо туда ехать, – сказал Лохматый. – Слышишь? Мы не договаривались так.

Антонио даже не пошевелился.

– Да, район не очень, я знаю. Вы сами живете, в каких районах? А вы заходили, видели там, что внутри? Такие же люди. Вы шли ко мне домой два километра с автобусной остановки. Я думал, это вы из гетто. Вы думаете, что воруют и убивают какие-то особенные люди?

В машине повисла тишина.

– Я не знаю, – ответил Максим. – Я именно это и хочу узнать.

– Я отказываюсь тебя защищать там, – сказал Лохматый, махнул дредами и показал пальцем на трубы автомобильного завода.

Антонио сам посмотрел на эти трубы и остановил машину на обочине.

– Выходи, – сказал Антонио.

– Не хочу, – ответил Лохматый, – ты думаешь, сам такой крутой? – он нажал на кнопку и заблокировал дверь. – Просто он, – он показал на Максима, – явно нифига не умеет бегать и мне достанется. Вот ты же убежишь, сядешь в свою тачку или откупишься, а мы нет.

– Ладно вам, поехали уже, – сказал Максим и толкнул Лохматого в бок.

Антонио съехал с обочины и вошел в общий поток машин.

– Я не знал, что он твой охранник, – засмеялся Антонио, – вы ребята меня рассмешили. Ну, ладно, успокойся. Убегать не придется, это мой сводный брат, так что надеюсь, встретит нормально.

– Это неважно, – не унимался Лохматый, – все мы тут братья. Значит Каин все же убил кого-то, да?

– Кто? Что ты имеешь в виду? – злился Антонио.

Максим наблюдал за их перебранкой и одним глазом следил за передвижением по навигатору. Он достал диктофон, нажал на кнопку и сказал прямо в него.

– Дорога извилистая, с серым пеплом. Слышно, как отскакивают мелкие камешки от лобового стекла, и собирается дождь, – Максим выключил диктофон.

Антонио и Лохматый прослушали сообщение, на секунду замолкли и потеряли нить разговора. Впереди показался съезд и надпись с названием района. Поверх надписи красовался чей-то росчерк красной краской.

– В общем, его зовут Ден, ему тридцать семь лет, и он вроде хиппи. Живет в этом районе, потому что в других местах ему еще труднее. Он так решил и отец купил ему там квартиру. Часть квартиры Ден сдает кому-то, говорит, что боится жить один. Так что там наверняка будет кто-то еще. В последний раз там отсиживались два парня после принудительного лечения, вели себя тихо. Но в основном, там живут женщины, которые работают в ночную смену на заводе или дежурят по ночам и не могут вернуться в город после смены. Он сдает пол квартиры, а сам живет за счет жильцов, сам нигде не работает. Он в некотором роде философ. Мой отец узнал,

что у него будет ребенок, когда они расстались с его девушкой. Разошлись, разобрали вещи, высказали друг другу все и через пару дней она его обрадовала. Как-то сразу стало ясно, что семьи не будет. Мне их жаль, просто так бывает. Они написали план, как будут жить дальше, и разошлись. Он женился на моей матери, когда Дену было лет десять и он даже был на свадьбе. Потом родилась старшая сестра, и только через тринадцать лет родился я. Мне кажется, отец обрадовался, что родился я. И, хотя Ден похож на него, а я нет, у меня есть одна штука, которая вся в отца – я ненавижу врать. Не люблю, лучше сказать правду и объясниться, но иногда кажется, все мои проблемы из-за этого. А Ден врет, у него даже глаза бегают, когда говорит. Так вот, Сын рыбы, ты сможешь отличить, если я тебя посажу напротив Дена, врет он или нет? – наконец спросил Антонио.

Максим посмотрел в его глаза в зеркале заднего вида и кивнул, затем нажал на кнопку диктофона и сказал тихо, в самый микрофон.

– Пошел тихий мелкий дождь, проезжающие мимо машины включают фары одна за другой, за окном осень, а в салоне машины тепло, хотя никто не включил печку или музыку для уюта и даже не закрытая задняя дверь плохо выпускает холодный воздух...

– Что ты сказал? – спросил Антонио.

– Ничего.

– Про дверь сзади, – уточнил он.

Максим посмотрел вопросительно на Антонио, затем потянулся к противоположной задней двери, открыл и закрыл ее снова.

– Она была открыта? – спросил Антонио.

– Не знаю, – сказал Максим.

– Не обращай внимания, – вставил Лохматый, – он так делает.

– Я понял, но дверь? Ты не мог бы в следующий раз закрыть ее?!

Они въехали на улицы, где по обеим сторонам стояли старые машины, некоторые с выбитыми стеклами и спущенными шинами. Антонио посмотрел на одну из них и крепко вцепился в руль. По обочинам туда-сюда не спеша таскались местные бродяги. Худой рыжий парень вел за руку девушку с перебинтованной рукой. Она курила сигарету, засовывая ее в рот, покрашенный фиолетовой помадой, и рассматривала всех по сторонам. Мимо просунулся тип в пуховике, которое вероятно летом использовал, как одеяло. Он только проснулся или его согнали с места ночевки. Дорогу перебежали школьники, с драными рюкзаками. Один парень долго стоял на дороге, поджидая Антонио. Друзья свистели и смеялись. У одного из них не было передних зубов. Антонио посигналил и набрал скорость. Парень отскочил и закричал им, показывая средний палец. Остальные бежали за машиной до поворота, по пути хватая мусор по дороге, чтобы бросить.

– Сраные дети, – сказал Антонио.

Максим оглянулся через заднее стекло на дорогу. Он достал диктофон, нажал на кнопку, но говорить не стал. Положил обратно в карман и вздохнул.

– Испугался? – спросил Антонио с насмешкой.

Лохматый рассмеялся.

– Да я вырос в соседнем районе! – сказал он. – Только тех домов уже нет, слава богу. Я знаю, тут все не так, как кажется. Мне не надо было объяснять. Тоже живут люди, женятся и умирают. Я помню, как моя соседка выходила замуж за цветочника. У него был магазин цветов в центре. Все собрались и плакали, что она уезжает из родного квартала в неизвестность. В неизвестность, – повторил Лохматый. – Он дарил ей цветы каждый день, наверное, весь магазин был у нее. Конечно, кто-то из зависти говорил, что он ей сливает вчерашние розы, которыми по вечерам заваливают мусорки.

Максим покосился на серый двухэтажный дом с густыми кустами сирени у входа. Антонио вышел из машины и осмотрел дом.

– Надеюсь, он дома, – Антонио открыл двери и сказал Лохматому. – Останься тут, я боюсь за машину. – Ты же понимаешь, что мы не сможем уехать без машины? Ты себя в зеркало видел? Просто сиди и смотри по сторонам, – он говорил без остановки.

Максим похлопал Лохматого по плечу вышел из машины. Они подошли к двери и позвонили. Лохматый недовольно смотрел из окна, сложив руки, затем стал искать музыку на радио.

– Скучно, – сказал Антонио.

Максим молча посмотрел на него и достал диктофон.

– Все жаловались на плохую погоду, потому что лето прошло, и оно не было жарче углей в аду, – он отпустил кнопку и спрятал диктофон.

Антонио посмотрел на Максима и отвел его в сторону.

– Слушай, мы же не договорились, – начал он, – как ты это обычно делаешь? У тебя есть опыт? Как лучше начать разговор на такую тему?

– Я не знаю, я не еще ни с кем не разговаривал, – сказал Максим.

Антонио вздохнул и закатил глаза.

– Ну, а как сам думаешь?

– Просто спросим и все, – сказал Максим.

– Просто «это не ты случайно убил ту телку в озере и, если тебе не влом и есть время, не мог бы ты рассказать, как это. Нам надо для тетрадки»?

– В водопаде.

– Что? – переспросил Антонио.

– Ты сказал в водопаде...

Антонио прислонился к обшарпанной двери и достал тонкие черные сигареты и закурил.

– Ты не куришь? Просто не хочешь или бросаешь?

– Сейчас не хочу, – сказал Максим.

Антонио крутил в руке зажигалку и рассматривал Максима, будто только встретил.

– Почему ты подписываешься «Сын рыбы»?

– Не знаю, просто. У каждого есть какая-нибудь фигня, которая все портит. У меня – имя. Я же себе его не выбирал, – сказал Максим. – Это все странно, я понимаю. Меня подкупило, что ты сейчас ничем не занят. Ты что-то ищешь, думаешь над чем-то важным? Я бы предложил тебе долю, за тетрадку, но ты же не возьмешь. Тебе не нужны деньги, я знаю, а смерть рядом. Вот это важно. Понимаешь? Если можешь, живи по-человечески, не убивай никого, а если не можешь – то вот, послушай, как это. Многие просто не пробовали. Вот злишься ты, например, хочешь кого-то убить. А как это? Ты же не можешь пойти и попробовать? А надо думать об этом. Чел не оживет потом, знаешь?

Антонио затушил сигарету и стал истерично смеяться. Максим ждал, пока он успокоится и не шевелился.

– У всех разная реакция, – сказал Максим. – Я не обижаюсь. Ты мне сразу понравился, хоть она и рассказывала только факты. Знаешь, типа «только отвяжись».

Антонио все еще улыбался.

– Кто она? Ничего не понимаю, – безразлично спросил он.

– Кристина, моя подруга, твоя бывшая девушка. Она сказала, что ты ушел в академический отпуск и засел дома. Вот я и решил, что ты вступишь немного рискнуть, – спокойно сказал Максим.

Антонио застыл на месте и перебирал в голове все возможные события, которые предшествовали тому, пока эти слова не прозвучали. Антонио закусил губу и стал щелкать зажигалкой. Лохматый, который наблюдал за ними, недоумевал, почему они не заходят в дом.

– Она мне изменила? – спросил Антонио. – Ты ее друг? Только вот я о тебе ничего не знаю. Понимаешь, что я сейчас думаю?

Антонио ждал, когда Максим заговорит, было видно, что его тело дрожит от сердцебиения, но сам он старается не двигаться.

– А, не парься, я не такой друг, – улыбнулся Максим, – я вообще не такой, – он рассмеялся.

Антонио схватил его и прижал к стене. За спиной Лохматый тут же открыл двери и выбежал навстречу. Антонио оглянулся и отпустил Максима.

– Да идите вы все, – Антонио прошел мимо Лохматого к машине.

С верхнего этажа послышался лай собаки и крики, Максим посмотрел вверх. Антонио сел за руль и хотел уехать, но не решался.

– Антонио, – Максим подошел к машине, – она хорошо о тебе говорила, переживать нечего. Изменяет она или нет, я не знаю. Ты же знаешь, она все время в наушниках, с ней говорить, как со стеной.

Антонио закивал головой и снова прямо посмотрел в глаза Максиму.

– Ты не врешь. Она мне сказала, что это твоя фишка. Мне это нужно, Антонио, я тебя долго искал. Пойдем к твоему брату, спросим про ту девушку. Я узнаю, врет он или нет, потому что я все чувствую, – сказал Максим.

Антонио открыл двери машины.

– Почему тебя зовут «Сын рыбы»?

Максим вздохнул.

– Я не хочу говорить, не подлавливай меня, ладно?

– Ну, хорошо, – Антонио вышел из машины. – Почему я о тебе никогда не слышал?

– Потому что Кристина в принципе мало говорит, ты не заметил? – сказал Максим.

Антонио кивнул и посмотрел себе под ноги, затем улыбнулся, что-то вспомнив. –

– Это с тобой она не говорит, – сказал Антонио и закрыл машину на ключ.

На двери подъезда было несколько целых кнопок, остальные провалились и стерлись от времени. Антонио снял ремень и металлическим язычком протолкнул ободок провалившейся кнопки. Раздался хриплый звонок.

В узком, как тоннель, коридоре с обеих сторон шли двери. Две из них в конце коридора были открыты, между ними ходили девушки и носили мебель. Антонио подождал, пока одна из них в коротких шортах и очках вытолкает журнальный стол.

– Может, помочь? – спросил он.

Девушка выпрямилась во весь рост, махнула длинными волосами, затем бегло глянула на Антонио, на его драную майку, затем на толстую золотую цепочку на шее и, пожевав немного жвачку, сказала:

– Пошел ты.

Лохматый фыркнул от смеха, Антонио посмотрел на него и тот замолк.

– А где Ден? – спросил он, заглядывая в квартиру с покосившейся дверью, из которой выносили стол.

Из другой квартиры выглянула блондинка с заклеенным пластырем подбородком.

– Это мой стол, мы его одалживали, когда было много народу.

– Нам не нужен стол, где Ден?

Девушки переглянулись. Затем блондинка схватилась за край стола, раздался ужасный скрип. Стол внесли внутрь, двери захлопнулись. Антонио посмотрел на пустой коридор, постучал в двери, девушки постучали в ответ изнутри.

– Ладно, сейчас посмотрим, – Антонио толкнул приоткрытую дверь и вошел.

Максим и Лохматый зашли следом внутрь ужасно захлавленной квартиры. Полки,, ящики, пол и кресла в коридоре были завалены старым хламом, одеждой, свертками обоев, штор, тряпок, рекламных буклетов, коробок с нитками, микросхемами. Везде на полу лежали пустые бутылки от водки и вина. Антонио переступил через них, подошел к дивану, на кото-

ром кто-то спал, завернутый в красную штору с золотыми вензелями. Вторая половина все еще висела на одиночных петлях, прикрывая окно посередине. Грязные гардины не пропускали свет, к тому же в комнате было сильно накурено, и в затхлом воздухе гулял серый дымок.

Максим задел люстру, она со звоном упала с кресла на пол. Лохматый схватился ее поднимать и обрадовался, что она не разбилась. Антонио оглянулся на звон и снова вернулся к телу в одеяле из шторы. Он приподнял пальцами кусок ткани.

– И что вы тут делаете? – спросил кто-то из кухни.

Антонио пошел на голос, который шел из накуренной кухни. Максим и Лохматый, который крепко сжал в кармане выкидной ножик, стали за его спиной. Антонио шагнул на кухню, затем быстро прошел внутрь и открыл форточку, с улицы в комнату ворвался ветерок и шепот листьев старого вяза.

В углу кухни на разваленном диване сидел худой мужик в халате на голое тело с длинными волосами и бородой. Антонио расчистил стул и сел напротив него.

– Кто это, Антон? – спросил хиппи высоким сорванным голосом. – Это твои друзья? – он перевернул, выпотрошил полную пепельницу прямо на стол и закурил снова. – Курите, как есть, так есть.

Антонио посмотрел на Максима, тот кивнул успокаивающе и оперся на дверной косяк. Лохматый разжал руку и высунул ее из кармана.

– Ден, что с твоей квартирой? Все же было нормально.

– Давно не убирался, – просто ответил Ден. – Понимаешь, те шлюшки, которые забрали мой стол, они работают у богачей, делают уборку. А мне сделать не могут, даже за деньги! Ты понимаешь? – он рассмеялся.

Стало видно, что у него не хватает бокового переднего зуба. Максим заметил, как он вставляет сигарету в промежуток между зубами и держит ее там, не вынимая, даже когда говорит. Антонио осунулся в кресле и не знал, с чего начать. Максим звал его, но Антонио отъехал куда-то далеко, машинально достал из кармана пачку сигарет, и они закурили с братом на пару. Максим и Лохматый теперь увидели в них сходство. Несмотря на возраст, бороду, длинные, как у Иисуса волосы, дурацкий халат и манеры, черты у Дена были, как у Антонио. Он также запрокидывал голову, когда собирался что-то сказать, потом делал паузу, щурил глаза и говорил вокруг да около.

– Я давал тебе деньги, – сказал Антонио, – где они, Денчик?

– Живу хорошо, не холодно. Клара приносит сигареты и еду, прямо на дом. Правда, сука, не хочет убираться. А сейчас совсем съехала. Этот стол, мы на нем знаешь, что делали? – Ден тряс рукой, сложив три пальца вместе, будто собирался перекреститься. Мы хотели зачать ребенка, понимаешь? Сидели на этом столе и говорили об этом. Мы выпили немного, потом говорили и говорили... Потом она ушла, ну почему? Я тоже уеду, Антон, просто я жду момент, когда он настанет, вот увидишь, – он и правда перекрестился.

Антон закрыл глаза от стыда. Максим сделал вид, будто все в порядке, что он бывалый и вообще его ничего его не удивляет. Он даже так увлекся, что зевнул. Лохматый подозрительно посмотрел на Максима и снова засунул руки в карманы.

– Почему ты мне не позвонил? – спросил Антонио. – Что ты себя так запустил? Как так можно жить? Тебя посадят за притон, неужели ты не понимаешь? Кто там спит?

– Я не знаю, – Ден поправил халат и тряхнул волосами. – У вас есть кофе?

– Как ты не знаешь? – Антон встал, Максим и Лохматый расступились. – Эй, просыпайся, – кричал Антонио из комнаты.

Ден виновато молчал, не зная, чем развлечь оставившихся на него гостей. Он закурил снова, и завесил между Максимом и его другом с торчащими, как проволока, дредами плотную завесу дыма. Антон вытолкнул из квартиры неизвестную девушку в сапогах на босую ногу и с собачим поводком на шее. Девушка сдавленным голосом кричала, что просто зашла забрать

стол. Она искала его в комнате, а затем плюнула, выругалась и хлопнула дверью. Антон снова протиснулся на кухню и сел на стул.

– Летом пойдем в поход, в горные перевалы и будем собирать дикий мед, – Ден размахивал дымящейся сигаретой, – сначала акация, потом лаванда, потом вереск. Любишь вереск? Я прочитал книгу про вереск. Там лежит на полу, можешь взять. Такой мед самый поздний, его пчелы берут на зиму. Если забрать – пчелы умрут. Но он очень полезный, помогает от астмы. У меня астма, ты же знаешь, – сказал Ден и потушил сигарету. – А у вас что?

Антонио слушал, поминутно прикрывая рот рукой, будто просил его замолчать. Он бросил взгляд на Максима и подозвал его к себе. Максим проступил на кухню, хорошо, что он был в ботинках, потому что под ногами захрустело стекло и засохшие панцири от креветок.

– Это – Сын рыбы. Он писатель, пишет книги, это псевдоним.

– Я понял, – сказал Ден и протянул Максиму руку с татуировкой на большом пальце. Максим пожал ее, бегло рассмотрел меч и три синие звезды. – Че пишешь?

Антонио достал сложенную вдвое тетрадку из кармана и протянул. Ден отложил тетрадь на диван, запахнул халат и медленно встал. Он повернулся к полкам, которые нависали смешанным грузом над диваном, и стал шарить, сбрасывая все подряд на пол. Он нашел пакет с очками, и стал примерять несколько пар.

– Ден, ты же не носишь очки, – уже умоляя брата прекратить цирк, сказал Антонио.

Ден повернулся в смешной широкой оправе, хотел возразить, но не стал, и молча продолжил примерку. В итоге, напялив женские круглые очки, Ден стал читать. Максим замялся, хотел сесть, но стул, единственный свободный от хлама, был странного зеленого цвета. Он выпрямился и стал смотреть в окно, как часто делал, когда кто-то читал его рукопись. Ден читал вдумчиво, иногда откладывая тетрадку и осматривая сверху до низу всех в комнате. Затем он менял ногу, перекидывая одно волосатое колено за другое, и продолжал. -

Антонио щипал ворсинки и болтавшиеся черные нитки с разорванного края джинсов на бедре. Он поправил золотые часы и волосы, ему было не так неловко за ту картину, которая открылась в этой квартире едва знакомым людям. Ему было неприятно, что такие дела стали происходить в его жизни. Еще недавно жить было скучно, а теперь и вовсе невыносимо. Дяди Антонио и отец постоянно ссорились, напиваясь после детских дней рождений в беседке у бассейна, и драли горла о политике и экономике. Антонио так же, как и сестры, вылезал из бассейна и делал вид, что хочет кофе и мороженого в доме, разобрать подарки или попрощаться с кемто, кто приехал всего на день. Однако дяди требовали, чтобы он присутствовал, а когда начались старшие классы и учеба в институте, заставляли высказываться и судить их. Антонио временами делал вид, что согласен с мнением и просто мок в бассейне, дожидаясь, пока они напьются до смерти, чтобы сказать маме, что пора их разгонять. -

– Ты слишком мягкий, – говорил Антонио отцу после политических битв.

– Ну что же поделать, они вынуждают меня соглашаться с этими реформами, они финансисты, а не дипломаты, им легко рассуждать, – оправдывался отец, вытирая посуду на кухне.

– Нет, – злился Антонио, – я не про это. Ты позволяешь им меня мучить и всегда молчишь. Почему мне нельзя уйти, если я не хочу говорить об этой политике!

В следующий раз, на день рождение самого Антонио, отец посмотрел на него в разгар прений и тихо, незаметно для всех, спросил, не хочет ли он потихоньку, пока дядьки отвлеклись и открывали новую бутылку, слинять. Антонио покачал головой и остался до конца. После, когда все разошлись, и они сами закрывали ворота, провожая гостей, отец спросил:

– Ну, вот, это было не сложно, правда? Нужно просто немного потерпеть.

Антонио расплакался и убежал в свою комнату. Там он обрезал коротко ножницами волосы, напился в ванной, попробовал порезать руку ножом, уснул на полу в одежде и обмочился под утро. Антонио очнулся и стал убрать весь бардак, который устроил. Он ползал по полу, среди подарочных оберток с тряпкой, которую сделал из майки и тер пол там, где его

вчера вырвало. Он старался отмыть засохшую кровь на раковине в слипшихся срезанных волосах, постирать джинсы, прежде чем отнести их в подвал со стиральными машинами. Он открыл форточки и, стуча зубами, стоял под душем, затем попросил, чтобы Елена его постригла. С тех пор прошло полгода, Антонио давно хотел съездить к брату, просто поговорить, но особо не было повода. С Деном трудно было вести диалог в его нормальном понимании, и он обрадовался случайной возможности увидеться. Больше всего его обрадовала возможность поехать в компании. Места эти он не любил, хотя после дня рождения немного поскромнел и относился проще к беспорядку и грязи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.